Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА СЕГОДНЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ И ПРАКТИКИ

материалы международной научно-практической конференции 18-19 ноября 2010 года

ЧАСТЬ II

Новокузнецк
2011

УДК 343+378
ББК 67.409
У26

Редакционная коллегия:
кандидат юридических наук, доцент А. Г. Антонов (отв. ред.);
кандидат юридических наук О. А. Алфимова (раздел 1);
кандидат юридических наук С. Б. Карамашев (раздел 2.1);
кандидат юридических наук К. А. Синкин (раздел 2.2);
кандидат педагогических наук Т. И. Помыткина (раздел 3);
доктор педагогических наук, профессор Л. И. Кундозёрова (раздел 4).

У26 Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы международной научно-практической конференции, 18-19 ноября 2010 года / отв. ред. А. Г. Антонов. – Новокузнецк : ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2011. – Ч. II.– 256 с.
ISBN 978-5-91797-055-4

Вошедшие в сборник материалы освещают широкий спектр вопросов, вынесенных на обсуждение участниками III (X) международной научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики» (г. Новокузнецк, 18-19 ноября 2010 года).

Сборник представляет интерес для сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений юридического профиля.

УДК 343+378
ББК 67.409

ISBN 978-5-91797-055-4
© Издательство ООО «Полиграфист», 2011

© Оформление. ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2011

свобод и обязанностей сотрудников уголовно-исполнительной системы нашёл отражение в нормах конституционного и уголовно-исполнительного права. Правовой институт юридической ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы состоит из норм конституционного, гражданского, административного, финансового, трудового и уголовного права.

Ядром конституционно-правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы, как и любого иного субъекта, являются права, свободы и обязанности. Все иные элементы статуса обусловлены содержанием его полномочий. Права – это возможность выбора вида и меры поведения, а обязанности – это требования ответственного следования должному поведению. Права сотрудников уголовно-исполнительной системы вытекают из его обязанностей и касаются в основном способов, инструментов и методов выполнения этих обязанностей. Сотрудник уголовно-исполнительной системы должен наделяться такими правами, которые позволяли бы ему эффективно выполнять возложенные на него обязанности. Следовательно, права, свободы и обязанности сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимо рассматривать как предусмотренные Конституцией РФ и федеральными законами права и обязанности, направленные на реализацию задач Федеральной службы исполнения наказаний.

А. В. МИЛЛЕР
соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, адвокат, член Адвокатской палаты Томской области

ПРОГНОЗ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЁННОГО И ПРОГНОЗ ВЛИЯНИЯ НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ НА ЕГО ИСПРАВЛЕНИЕ

Исходя из предназначения уголовного и уголовно-исполнительного закона, итогом реализации уголовной репрессии должно быть обеспечение безопасности человека, а также восстановление социальной справедливости, исправление осуждённых, предупреждение совершения новых преступлений, как осуждёнными, так и иными лицами.

Разъяснения высших судебных органов о правилах назначения судами наказания[1] предусматривают, что при исполнении требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания надлежит иметь в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, указанных в ст. 2 и 43 УК РФ. Согласно ст. 6 УК РФ справедливость назначенного подсудимому наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Относительно учёта личности виновного при квалификации деяния и назначении наказания, по смыслу разъяснений Пленума ВС РФ[2], личность виновного подлежит рассмотрению не только через обстоятельства, подлежащие доказыванию (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого в целом), но непосредственно и через предшествующее преступлению и последующее поведение виновного.

Закрепляя общие начала назначения наказания, законодатель обязал суд при отправлении правосудия учитывать, в том числе и влияние назначенного наказания на исправление осуждённого (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Таким образом, учёт личности лица, совершившего преступление, в том числе обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также иных обстоятельств предшествующего преступлению и последующего поведения лица, в их описании по состоянию на день провозглашения приговора (на момент назначения судом наказания) – есть в определённом смысле прогнозная ретроспекция, основа для последующих этапов экстраполяции, моделирования, удовлетворяющего государство и общество изменения свойств личности виновного под воздействием (и в результате воздействия) меры государственного принуждения и в необходимый для этого промежуток времени.

Следовательно, назначение наказания есть судебное прогнозирование, результатом которого по логике законодателя должны стать: прогноз изменения свойств личности, прогноз поведения осуждённого в период действия уголовной репрессии и за пределами уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношений, прогноз достижения цели исправления, цели общей и частной превенции в каждом

---

[1] См.: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 года № 2 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания», п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 года № 1 «О судебном приговоре».

[2] См.: п. 3, 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ).

конкретном уголовном деле. Бесспорно, что такой прогноз, сделанный судом условен и неокончателен.

Стоит отметить, что имеющаяся конструкция нормы ст. 60 УК РФ предполагает «прогнозирование» действия наказания на осуждённого *одновременно* с учётом данных о преступлении и личности виновного[1]. Очевидно, что это может ухудшить качество и уменьшить значение прогноза, а также не способствует положительной практике в области индивидуализации наказания, так как «прогнозирование» действия наказания возможно только после и на основании учёта всех иных данных в их совокупности и взаимосвязи[2].

Итак, учёт данных о личности виновного на стадии назначения наказания есть первый этап прогнозирования, а не гарантия достижения такой цели наказания, как исправление.

В ст. 8 УИК РФ законодатель в качестве одного из принципов уголовно-исполнительного законодательства РФ устанавливает принцип стимулирования правопослушного поведения осуждённых. При этом согласно легальной дефиниции исправление осуждённых – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). При осуществлении исполнения уголовного наказания применению средств исправления осуждённых должен предшествовать учёт вида наказания, характера и степени общественной опасности совершённого преступления, личности осуждённых и их поведения (ч. 3 ст. 9 УИК РФ). Учёт поведения осуждённого с прогнозом достижения цели исправления осуществляется судом при решении вопроса об изменении вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ), а учёт поведения осуждённого с прогнозом целесообразности дальнейшего отбывания наказания (то есть с прогнозом поведения лица за пределами уголовно-исполнительных отношений, либо при их изменении) осуществляется при решении вопроса об освобождении от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 175 УИК РФ). В последнем случае учёт данных о поведении осуждённого, а равно прогноз поведения лица за

---

[1] Суть довода станет понятна лишь при попытке самостоятельного толкования нормы с учётом буквального значения содержащихся в ней слов и выражений, и построения в итоге предлагаемого законодателем алгоритма учёта обстоятельств и данных при назначении наказания с прогнозированием достижения одной из его целей.

[2] В прогностике верификация не может и не должна предшествовать ретроспекции либо происходить одновременно с ней. Подобные нарушения порядка и последовательности разработки прогноза приводят к неправильному пониманию правоприменителем последовательности и смысла своих действий, и, как следствие, к неэффективности уголовной репрессии.

пределами уголовно-исполнительных отношений осуществляется как учреждением (органом) исполняющим наказание, так и судом.

Очевидно, что на стадии исполнения наказания продолжается как процедура учёта личности и поведения осуждённого, так и прогнозирование поведения и исправления.

С учётом актуальности корректировки критериев достижения целей исправления, в том числе и категории правомерного (правопослушного) поведения[1], а равно проявления интереса и к подвидам посткриминального поведения осуждённых[2], в рамках постановки проблемы соотношения прогноза поведения осуждённого с прогнозом влияния назначенного наказания на его исправление, предлагаем следующие тезисы:

1. Поведение лица, совершившего преступление, рассматриваемое через категорию его личности, является объектом судебного прогнозирования (разновидности индивидуального криминологического прогнозирования поведения). Личность виновного (осуждённого) самостоятельно и вне связи с его поведением не может выступать объектом судебного и(или) пенитенциарного прогнозирования.

2. Вытекающее из логики норм уголовного закона прогнозирование изменения свойств личности в свете норм УИК РФ об исправлении осуждённого предполагает учёт свойств личности и поведения лица, но прогнозирование поведения как критерия достижения целей исправления.

3. Поведение лица есть внешнее проявление свойств личности. Прогнозирование поведения лиц, совершивших преступления, предполагает учёт (ретроспекцию) именно свойств личности с точки зрения способности лица детерминировать криминальное (преступное) поведение.

4. Учёт личности виновного всегда предшествует прогнозу его поведения, а равно и его исправлению. Одновременное проведение ретроспекции и верификации невозможно. Нарушение закономерностей прогностики о правилах разработки прогнозов в построении норм материального права может быть устранено нормами процессуального права (детализацией алгоритма постановления судебных актов).

5. Несоблюдение правил прогностики на стадии назначения наказания (на этапе судебного прогнозирования) является одной из

---

[1] См.: Прохорова М. В. Организационно-правовые проблемы стимулирования позитивной активности осуждённых в воспитательных колониях : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010.

[2] См.: Антонов Т. Г. Непреступное уголовно-противоправное поведение осуждённых и его юридические последствия : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010.

причин судебных ошибок и может повлечь проблемы при прогнозировании поведения и исправления на стадии исполнения приговора.

6. Устранение обозначенной проблемы практики прогнозирования поведения возможно посредством внесения соответствующих изменений в нормы УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, в рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 года № 1772-р.

Е. Г. МИХЕЕНКОВ
старший научный сотрудник учебного отдела Томского филиала ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, кандидат исторических наук, майор внутренней службы

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ ТЮРЕМНОГО ВЕДОМСТВА В СИБИРИ В 1917 ГОДУ

Сотрудники пенитенциарной системы России в рассматриваемый период времени, согласно Своду учреждений и уставов о содержании под стражей, подразделялись в соответствии с их правовым положением на две группы: классный чины и нижние чины.

Первая группа сотрудников представляла собой управленческий (руководящий) состав, к которому относились чиновники Главного тюремного управления, чины территориальных подразделений управления и каждого из мест лишения свободы.

Вторую группу составляли лица, состоящие в вольнонаемной тюремной страже – так называемые нижние чины. Согласно ст. 26 гл. 3 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей к тюремной страже относились старшие и младшие надзиратели и надзирательницы, которые уравнивались в служебных правах[1].

В соответствии со ст. 359 и 362 Устава о содержащихся под стражей сотрудники подразделялись на штатных, содержание которых осуществлялось Главным тюремным управлением, и внештатных, содержащихся за счёт экономических тюремных сумм и частично – за счёт средств, получаемых с дохода от арестантских работ. Однако их правовой статус и выполняемые обязанности были одинаковы. Разница была лишь в источнике финансирования.

[1] Печников А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649-октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 125.